

СОКОЛОВА Татьяна Сергеевна,
доцент кафедры уголовного процесса Уфимского
юридического института МВД России,
полковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ МЕРАХ ПРИНУЖДЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Уголовное судопроизводство, выступающее в качестве публично-правовой деятельности государства по расследованию преступлений и привлечению виновных к ответственности, немыслимо без наличия эффективного механизма процессуального принуждения. Закрепленный в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации механизм призван обеспечивать не только ход представительного расследования и судебного производства, но и исполнение вынесенного приговора. При этом центральное место в данном механизме занимает специальная группа мер, именуемая в уголовно-процессуальном законодательстве – иные меры процессуального принуждения.

Ключевые слова: Уголовный процесс, меры пресечения, участники уголовного процесса, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, следователь.

SOKOLOVA Tatyana Sergeevna,
PhD, Associate Professor, Ufa Law Institute of the
Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Deputy Head МВД of the Department of Physical
Training, Colonel of Police

ON THE ISSUE OF ENFORCEMENT MEASURES AIMED AT ENSURING PROPER BEHAVIOR OF PARTICIPANTS IN THE CRIMINAL PROCESS

Annotation. Criminal proceedings, which are the state's public legal activity aimed at investigating crimes and bringing the perpetrators to justice, are impossible without an effective mechanism of procedural coercion. The mechanism established in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is designed to ensure not only the progress of the investigation and judicial proceedings, but also the execution of the verdict. At the same time, a special group of measures known as "other measures of procedural coercion" plays a central role in this mechanism.

Key words: Criminal proceedings, preventive measures, participants in criminal proceedings, suspect, accused, witness, investigator.

Иные меры процессуального принуждения, обусловленные особым научным и практическим интересом, объективируются своей универсальной правовой природой. Так, в отличие от мер пресечения, меры принуждения применяются в отношении не только подозреваемого, обвиняемого, но и иных участников уголовного процесса (свидетелям, потерпевшим, экспертам и др.), что, безусловно, расширяет сферу их действия и, соответственно, потенциал для ограничения конституционных прав и свобод личности. Непосредственно поэтому требование о точном, обос-

нованном и законном применении приобретает особое значение в рамках соблюдения принципов уголовного процесса.

Правовое регулирование обязательства о явке как одной из иных мер процессуального принуждения осуществляется положениями ст. 112 УПК РФ. Законодательная конструкция данной меры характеризуется лаконичностью и оставляет ряд существенных вопросов, порождающих дискуссии в теории и сложности в правоприменительной деятельности. Как следует из указанной статьи, обязательство о явке может быть взято

у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля при наличии на то необходимости, однако данный перечень субъектов вступает в системное противоречие со ст. 111 УПК РФ, которая, определяя общие условия применения мер процессуального принуждения, относит к их числу гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и понятого. Указанная коллизия неоднократно становилась предметом критики в научной доктрине, что позволяет констатировать наличие пробела в правовом регулировании [8]. В этой связи представляется необходимым законодательное закрепление исчерпывающего и непротиворечивого перечня участников уголовного судопроизводства, в отношении которых допустимо применение обязательства о явке, приведя его в соответствие с общим замыслом законодателя, отраженным в ст. 111 УПК РФ.

Правовая природа анализируемой меры раскрывается в ч. 2 ст. 112 УПК РФ и заключается в письменном обязательстве лица своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также незамедлительно сообщать об изменении места своего жительства. Кроме того, законодатель справедливо указывает на необходимость разъяснения последствий нарушения принятого обязательства, однако сама система таких последствий и форм ответственности в уголовно-процессуальном законе отсутствует. Данный недостаток правовой регламентации снижает превентивные и обеспечительные возможности меры. В целях повышения его эффективности обоснованным видится закрепление в ст. 112 УПК РФ четких санкций за неисполнение обязательства о явке, таких как привод или денежное взыскание.

Важнейшей проблемой является отсутствие в законе конкретных оснований для применения обязательства о явке. Законодатель ограничивается оценочной формулой «при наличии необходимости», что предоставляет правоприменителю широкую «вольность» и ведет к произвольному использованию данной меры [2]. В научной литературе высказывается точка зрения о том, что основания для избрания обязательства о явке могут быть коррелированы с основаниями избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде учитывая схожесть возлагаемых обязанностей (явка по вызовам) [4], однако с данной позицией согласиться нельзя, поскольку меры пресечения, обладая ярко выраженным ограничительным характером, применяются исключительно в отношении подозреваемого и обвиняемого для предотвращения противодействия с их стороны производству по уголовному делу. Обязательство о явке, будучи иной мерой процессуального принуждения, имеет иную процессуальную природу

и более широкий субъектный состав. Таким образом, представляется необходимым четкое законодательное определение оснований применения обязательства о явке. В качестве таковых следует рассматривать наличие достаточных данных полагать, что участник процесса может уклониться от явки по вызову, тем самым нарушив порядок уголовного судопроизводства.

Анализ правоприменительной практики демонстрирует тенденцию, когда обязательство о явке используется как альтернатива подписке о невыезде. Это обусловлено тем, что избрание любой меры пресечения в отношении подозреваемого в соответствии с ч. 1 ст. 100 УПК РФ обязывает следователя или дознавателя предъявить обвинение в строго установленный 10-суточный срок. В ситуации, когда доказательств для предъявления обвинения недостаточно, должностное лицо, стремясь обеспечить явку, но избегая процессуальных ограничений, связанных с мерой пресечения, предпочитает использовать обязательство о явке. Хотя подписка о невыезде, безусловно, является более эффективной мерой ввиду возможности последующего избрания более строгой меры пресечения при ее нарушении, ее применение не всегда процессуально оправданно на ранних стадиях расследования [5].

Несмотря на отмеченные недостатки правовой регламентации, обязательство о явке играет существенную роль в обеспечении надлежащего поведения участников процесса, в первую очередь свидетелей и потерпевших. Его значение усиливается в контексте ст. 188 УПК РФ, закрепляющей обязанность лица, вызываемого на допрос, явиться в назначенный срок либо заблаговременно уведомить следователя о причинах неявки. В этом случае, обязательство о явке служит дополнительным правовым инструментом, обеспечивающим выполнение данной обязанности и минимизирующим риск нарушения хода предварительного расследования. Таким образом, обязательство о явке является наиболее распространенной иной мерой процессуального принуждения, сущность которой состоит в добровольном принятии лицом обязанностей по явке и уведомлению о смене места жительства без прямого ограничения его прав. Кроме того, проведенный анализ выявил ряд системных проблем в его правовой регламентации, выражающихся в противоречиях в субъектном составе, отсутствии конкретных оснований применения, а также неопределенности последствий нарушения. Также практика демонстрирует его использование в качестве подмены меры пресечения для процессуальных обязательств, связанных с предъявлением обвинения.

Следующей иной мерой процессуального принуждения, обеспечивающей надлежащее по-

ведение участников уголовного процесса, является привод (ст. 113 УПК РФ). В системе иных мер процессуального принуждения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, привод занимает особое место, поскольку обладает признаками процессуальной ответственности. В соответствии с ч. 2 ст. 113 УПК РФ, под приводом понимается принудительное доставление лица к дознавателю, следователю или в суд. Правовая природа данного института характеризуется двойственной функцией. Так, с одной стороны, он принудительно обеспечивает явку участника уголовного судопроизводства, а с другой – выступает мерой уголовно-процессуальной ответственности за неисполнение процессуальных обязанностей, возложенных на указанных участников [7]. Отсюда следует, что применение привода правомерно лишь при наличии процессуального правонарушения, выразившегося в умышленном уклонении от явки без уважительных причин, и направлено на восстановление нормального хода уголовного процесса [8].

Основным юридическим основанием для применения привода, как следует из ст. 113 УПК РФ, является неявка участника уголовного процесса по вызову должностного лица или органа, осуществляющего производство по делу, при отсутствии уважительных причин. Ключевым проблемным аспектом в данном контексте выступает отсутствие в УПК РФ легального перечня таких причин. Вместе с тем доктрина уголовного процесса к уважительным причинам относит обстоятельства непреодолимой силы, тяжелую болезнь самого лица или смерть близкого родственника, необходимость ухода за тяжелобольным членом семьи или малолетним ребенком при объективной невозможности поручить это иному лицу, а также несвоевременное получение или неполучение повестки. Бремя доказывания отсутствия уважительных причин лежит на стороне обвинения, что требует от следователя, дознавателя или суда тщательного и детального изучения обстоятельств неявки, проявления определенности и конкретности в оценке доводов лица.

Процессуальный порядок применения привода регламентирован не только нормами УПК РФ, но и ведомственными нормативными актами, в частности, приказом МВД России, что подчеркивает межведомственный характер данной меры. Решение о приводе принимается должностным лицом органа предварительного расследования или суда, а его исполнение осуществляется силами органов внутренних дел или службы судебных приставов. Подобное распределение полномочий порождает на практике проблему неэффективного взаимодействия и случаев применения привода без надлежащего процессуального оформления.

Безусловно, особую научную и практическую дискуссию вызывают отдельные ограничительные условия применения привода. Во-первых, законодательный запрет на его производство в ночное время, за исключением случаев, «не терпящих отлагательств», содержит оценочную и размытую формулировку, создающую риск произвольного толкования и нарушения прав граждан.

В целях обеспечения баланса публичных и частных интересов представляется обоснованной позиция ряда исследователей о необходимости исключения данного исключения из ч. 4 ст. 113 УПК РФ, что позволило бы однозначно запретить привод в ночное время как действие, чрезмерно ограничивающее право на отдых и неприкосновенность частной жизни [6].

Во-вторых, существенным законодательным пробелом является отсутствие четкой регламентации применения привода в ситуации, когда его исполнение сопряжено с вторжением в жилище против воли проживающих в нем лиц. Данная процедура, затрагивающая конституционное право на неприкосновенность жилища (ст. 25 Конституции РФ), требует специальной уголовно-процессуальной регламентации в совокупности с положениями ст. 12 УПК РФ. В настоящее же время порядок такого проникновения должным образом не урегулирован, что обуславливает необходимость его детализации в специальных нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность полиции и судебных приставов.

Таким образом, привод представляет собой необходимую меру процессуального принуждения, обладающую свойствами процессуальной ответственности. Его применение направлено на обеспечение принципа разумного срока уголовного судопроизводства и недопущение ограничения прав граждан в доступе к правосудию. Действующая правовая регламентация привода в ст. 113 УПК РФ, подкрепленная ведомственными инструкциями, в целом создает правовые основания для его применения, однако содержит ряд существенных проблемных аспектов по типу неопределенности понятия «уважительные причины» неявки, размытости формулировки «случаи, не терпящие отлагательств» для производства привода в ночное время, а также отсутствия процедуры проникновения в жилище для принудительного доставления лица.

Также заслуживает внимания мера процессуального принуждения – временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ), которое занимает в уголовном процессе особое положение. Будучи направленным на обеспечение нормального хода предварительного расследования по уголовным делам в отношении лиц, обладающих властными или организационно-распорядитель-

ными полномочиями, данная мера призвана ограничить реализацию служебных обязанностей в обеспечительных целях. Однако, как демонстрирует анализ правоприменительной практики, приведенный нами в начале настоящей работы, за последние годы, данный инструмент используется крайне редко, что свидетельствует о наличии системных пробелов как в нормативном регулировании, так и при его реализации.

Центральной правоприменительной проблемой, детерминирующей неактуальность данной меры, является отсутствие в ч. 1 ст. 114 УПК РФ оснований применения данной меры процессуального принуждения. Подобная законодательная техника, не содержащая четких, объективированных критериев, порождает правовую неопределенность и широкую судебную самостоятельность, что противоречит фундаментальным принципам законности и соразмерности ограничения прав [3]. Следовательно, находясь в условиях процессуальной экономии и высокой нагрузки, в ситуации неясности предсказать судебную перспективу ходатайства не может. Вследствие этого возникает правоприменительный дисбаланс, с одной стороны, должностные лица органов предварительного расследования, стремясь к гарантированному достижению обеспечительных целей [9, с. 68] и минимизации рисков отмены судебных решений, предпочитают обращаться к более традиционным и, с их точки зрения, надежным мерам пресечения. Такая подмена одной меры процессуального принуждения другой, более строгой, приводит к необоснованному и несоразмерному ограничению конституционных прав граждан, что представляет собой серьезную проблему с точки зрения защиты прав человека [11, с. 137]. С другой стороны, установленный законом 48-часовой срок для рассмотрения судом ходатайства следователя, согласованного с руководителем следственного органа, на практике зачастую оказывается недостаточным в условиях сохраняющегося дефицита эффективного электронного взаимодействия [10, с. 61] между следственными органами и судами. Необходимость физической передачи согласованного ходатайства и объемных материалов уголовного дела создает организационные проблемы, лишая рассматриваемую меру одного из ее ключевых свойств – оперативности. В результате лицо, оставаясь в должности, получает временной пробел, который может быть использован для оказания давления на свидетелей, уничтожения документов или иного сокрытия следов преступления.

Осознание указанных правоприменительных трудностей привело к активной реакции со стороны высших органов юстиции. Так, Генеральная прокуратура РФ в своих разъяснениях приняла попытку восполнить законодательный

пробел, конкретизировав условия, при которых ходатайство об отстранении является обоснованным. В частности, речь идет о привлечении к ответственности за преступление, связанное с деятельностью организации, в которой лицо осуществляет свои функции, участия в уголовном деле в качестве других процессуальных фигур его подчиненных, а также фактах попыток препятствования следствию с использованием служебного положения. Безусловно, данная позиция имеет важное значение для унификации подходов правоприменителя и заслуживает поддержки [1]. Однако, будучи ведомственным разъяснением, она не обладает силой закона и не может в полной мере устранить исходную нормативную неопределенность.

В этой связи ученые единодушны в выводе о необходимости законодательной, а не ведомственной конкретизации оснований применения временного отстранения от должности. Представляется целесообразным внести изменения в ст. 114 УПК РФ, изложив ч. 1 в новой редакции, которая содержала бы исчерпывающий перечень обстоятельств, свидетельствующих о реальной возможности воспрепятствования производству по делу со стороны подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, временное отстранение от должности как институт уголовного процесса обладает значительным нереализованным потенциалом. Его эффективность напрямую зависит от преодоления ключевых правоприменительных проблем, разрешение которых возможно путем внесения соответствующих изменений в УПК РФ и оптимизации межведомственного взаимодействия.

В заключении отметим, что рассматриваемые меры процессуального принуждения представляют собой сбалансированный, но требующий дальнейшего совершенствования юридический механизм. Их эффективное и законное применение напрямую влияет на состояние законности в уголовном судопроизводстве. Перспективы развития данного института видятся в дальнейшей дифференциации процедур их применения, усилении судебного контроля на досудебных стадиях и закреплении в законе более четких, объективированных критериев для их избрания, что, будет способствовать достижению оптимального баланса между интересами государства и защитой прав и свобод личности в уголовном процессе.

Список литературы:

[1] О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежно-го взыскания»: письмо Генпрокуратуры РФ от 30

марта 2004 г. № 36-12-04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Гараева, Т.Б. К вопросу о соотношении обязательства о явке и повестки в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сб. науч. ст. по итогам работы круглого стола № 3 со Всероссийским и международным участием. Шахты: УКК «Актуальные знания», 2022. С. 76–77.

[3] Загидуллин, М.Р. Меры процессуально-го принуждения неимущественного характера в административном судопроизводстве, гражданском и арбитражном процессах России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 5. С. 62–75.

[4] Калачева, А.В. Обязательство о явке: мера принуждения или мера без принуждения? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 3. С. 56–61.

[5] Мусина, А.Ф. Обязательство о явке, как мера процессуального принуждения // Наука и современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2022. С. 89–91.

[6] Образцов, С.В., Елисеева О.А., Звягин В.А. Проблемы применения иных мер процессуального принуждения // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7 (163). С. 100–104.

[7] Рыжков, Д.В. Принудительное доставление (привод) на производство следственных действий: проблемы практического применения // Ломоносовские научные чтения. Актуальные вопросы фундаментальных и прикладных исследований: сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2022. С. 61–65.

[8] Ярцев, Р.В., Ситник А.В. Особенности применения иной меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности в уголовном процессе // Законность и правопорядок. 2023. № 1 (37). С. 58–63.

[9] Хасанова, З. И. Особенности процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве / З. И. Хасанова // Право и государственность. – 2025. – № 3(8). – С. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXA.

[10] Шевелева, С. С. Сбалансированная цмфровизация уголовного судопроизводства: критерии допустимости и минимизация латентных рисков / С. С. Шевелева // Право и государственность. – 2025. – № 4(9). – С. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOAY.

[11] Адвокатская деятельность и адвокатура в России в 2 Ч. Часть 1 : Учебник / И. Л. Трунов, Н. Б. Сонькин, В. А. Вайпан [и др.]. – 3-е изд., пер. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2020. – 218 с. – (Высшее образование). – ISBN

978-5-534-04003-6. – EDN CXXGJC.

References:

[1] On the direction of the Methodological Recommendations "Grounds and Procedure for Temporary Suspension from Office, Seizure of Property and Securities, and Monetary Penalties": Letter of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated March 30, 2004, No. 36-12-04. Access from the legal system "ConsultantPlus".

[2] Garaeva, T.B. On the Relationship between the Obligation to Appear and the Summons in Criminal Proceedings // Legal Science in the 21st Century: Current Issues and Prospects for Their Solution: Collection of Scientific Articles Based on the Results of Round Table No. 3 with All-Russian and International Participation. Shakhty: UCC "Actual Knowledge", 2022, pp. 76-77.

[3] Zagidullin, M.R. Non-Property Measures of Procedural Coercion in Administrative Proceedings, Civil Proceedings, and Arbitration Proceedings in Russia // Bulletin of Moscow University. Series 11: Law. 2020. No. 5. Pp. 62–75.

[4] Kalacheva, A.V. The Obligation to Appear: A Measure of Coercion or a Measure Without Coercion? // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2024. No. 3. Pp. 56–61.

[5] Musina, A.F. The Obligation to Appear as a Measure of Procedural Coercion // Science and Modern Education: Current Issues, Achievements, and Innovations: Collection of Articles from the VI International Scientific and Practical Conference. Penza: Science and Education, 2022. Pp. 89–91.

[6] Obratsov, S.V., Eliseeva O.A., Zvyagin V.A. Problems of Applying Other Measures of Procedural Coercion // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 7 (163). Pp. 100–104.

[7] Ryzhkov, D.V. Forced Delivery (Conduct) for the Production of Investigative Actions: Problems of Practical Application // Lomonosov Scientific Readings. Actual Issues of Fundamental and Applied Research: Collection of Articles from the IX International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2022, pp. 61-65.

[8] Yartsev, R.V., Sitnik A.V. Features of Applying a Different Measure of Procedural Coercion in the Form of Temporary Suspension from Office in Criminal Proceedings // Legality and Law Order. 2023. No. 1 (37). Pp. 58–63.

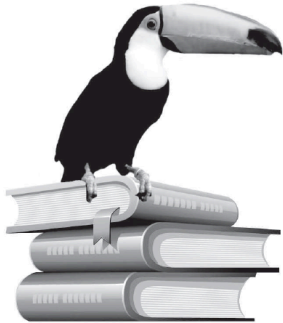
[9] Khasanova, Z. I. Features of the procedural status of a suspect in criminal proceedings/Z. I. Khasanova // Law and statehood. – 2025. – № 3(8). – S. 68-72. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.8.3.011. – EDN INHXA.

[10] Sheveleva, S. S. Balanced CMF of criminal proceedings: criteria for admissibility and minimization of latent risks/S. S. Sheveleva // Law

and statehood. – 2025. – № 4(9). – S. 61-64. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.011. – EDN HWOGAY.

[11] Advocacy and advocacy in Russia in 2
Part 1: Textbook/I. L. Trunov, N. B. Sonkin, V.

A. Vaipan [and others]. - 3rd ed., Per. And add.
- Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. - 218
p. - (Higher education). – ISBN 978-5-534-04003-6.
– EDN CXXGJC.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.